

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

М. В. ЛЯПОН

ПРОЗА ЦВЕТАЕВОЙ

**ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
АВТОРА**

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л 97

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 09-04-16102

Ляпон М. В.

Л 97 Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 528 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0441-6

Книга содержит концептуально целостное осмысление авторского стиля как системы доминант, коррелирующих с психологическим портретом автора. Проза Цветаевой изучается как единое вербальное пространство, — на материале автобиографических произведений, литературно-критических статей, эпистолярного наследия, а также дневников и записных книжек. Основной корпус известных текстов расширен за счет новых материалов, относящихся к творческому архиву писателя. Главные объекты исследования: 1) лингвистический эксперимент Цветаевой-писателя; ее субъективные языковые предпочтения и неприятия, отношение к языковому стандарту (лексический уровень, грамматика, сфера синтаксиса, организация высказывания); 2) стилистика и риторика афористических формул и развернутых конструкций парадоксального характера; 3) авторефлексия Цветаевой, ее оценка собственной идиоморфы. Наблюдаемый изоморфизм речевого почерка и психологического портрета послужит стимулом для построения концепции интегративной стилистики, задача которой — поиск внутренней логики, объясняющей авторский текст в едином ключе. Монография адресована специалистам в области лингвистики, филологам разного профиля, а также психологам, изучающим творческую личность и стили мышления.

Привлекая внимание к парадоксальной логике как особому режиму мышления, данная книга представляет интерес и для более широкого круга читателей: Цветаева-аналитик, улавливая метаморфозы истины и лжи, вносит вклад не только в теорию остроумия или «грамматику» юмора; ее афоризмы прочитываются б и ф о к а л ь н о, — как игра разума и в то же время как живой поучительный материал для энциклопедии общечеловеческой мудрости.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0441-6

© М. В. Ляпон, 2010
© Языки славянских культур, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие7

Глава I

Императивы стиля и диктат языка13

1. Антиформа и идионорма: интуитивная лингвистика стилесозидающего субъекта13
2. Деспотизм языка и словотворчество писателя (существительные, прилагательные, глагол, служебные единицы языка)26
3. Мысли об орфографии55

Глава II

Единицы стратегического синтаксиса в языке-эталоне и в авторском дискурсе61

1. Причина как предмет рефлексии. Истина в «последней инстанции». Союз *ибо* — аналог перформатива61
2. Логика альтернативы в естественном языке. Между дизъюнкцией и тождеством.85
3. Язык, «зигждущийся на *хотя*».108

Глава III

Интроверсия как гегемония внутреннего «Я».....131

1. В поисках «языковой личности». Доминанты, подсказанные К. Юнгом131
2. К. Г. Юнг — М. Цветаева: воображаемый диалог145
3. Проза М. Цветаевой: бифокальное чтение авторского текста. Модель поведения (авторский самоанализ)149
4. Императивы подсознания. Логика интуиции158

Глава IV

Речевая самооценка как метатекст	167
1. Вербализация речевого самоконтроля и само моделирование	167
2. «Грамматика» самооценки	180

Глава V

Парадоксальная логика как режим мышления	197
1. Формулы-миниатюры и развернутые рефлексемы. Прототипическая ситуация как материал для игры альтернативы и тождества	197
2. Парадокс в контексте личности	212
3. Фронтальная семантическая атака в условиях дискурса	226

Глава VI

Антидогматическая мысль о метаморфозах истины и лжи	235
1. Истина, уличаемая во лжи, в «энциклопедии» мудрости	235
2. Парадокс как точка отсчета для «грамматики» юмора. Анекдоты и другие продукты остроумия (логические манипуляции парадоксалистов)	248

Глава VII

Риторика смылосозидания	275
1. Испытание правдой. Проницательность психолога. «Тонкость» симптома	275
2. Отрицание как стратегическая единица в авторском дискурсе. Риторические эксперименты Цветаевой и Бродского	292

Глава VIII

Проза как автопортрет. Стратегия иносказания.	303
1. Двойники и антиподы. Художник Гончарова — иносказание концепции творчества	303
2. Встреча с внучкой Пушкина (Программа защиты Поэта)	318
3. Реконструкция «личного кода».	330
4. В поисках общего знаменателя: словесный парадокс и творчество как опровержение . . .	342
Приложение	355

Посвящаю Александре
и Сергею — моим внукам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная гуманитарная наука соединяет усилия филолога, разгадывающего тайны авторской индивидуальности, — с поисками психолога, ответственного за «внутреннего» человека; при этом *идиостиль*, объясняя *идионорму*, претендует на роль интегратора личности в целом. В основу монографии положена идея создания «интегративной стилистики».

Широкий диапазон неузуальных грамматических явлений в прозе Цветаевой — свидетельство высокой степени антидогматизма в ее отношении к языковой норме. Объектом авторской рефлексии может оказаться не только отдельная лексическая единица, но также грамматическая категория, иерархия классов, внутрисистемное распределение ведущих языковых функций между единицами разного качества, категориальная семантика в целом. Эвристическая результативность языкового эксперимента Цветаевой определяется, в первую очередь, такими свойствами авторской личности, как лингвистическая интуиция, «темперамент мысли», острая чувствительность к догме (черта «полнезависимого», по терминологии современных психологов, интеллекта, предпочитающего нетривиальный путь осмысления реальности). Вербальную деятельность такого индивида отличают экстремизм в словотворчестве, склонность к смысловым смещениям. Словотворчество Цветаевой — опыт преодоления деспотизма языка, а также отпечаток рефлексии над феноменом «Язык», который Цветаева воспринимает и использует прежде всего как материю смысла, утверждая собственную философию глобальных языковых значений и пренебрегая условностями нормы.

Словотворческий опыт Цветаевой и грамматические аномалии, наблюдаемые в ее прозе, (1) во-первых, убеждают в том, что антипатия к стереотипу — неотъемлемый и выразительный признак системы ее языковых предпочтений, черта, характеризующая индивидуальную авторскую стратегию текстообразования; (2) во-вторых, являются информативным материалом для изучения «от-

ветной реакции» со стороны самого языка на попытку освободиться от его власти; (см. гл. I).

Анализ лингвистического эксперимента писателя подобен рассматриванию картины художника на очень близком расстоянии от холста. Содержательная сторона текста и авторская «техника» (способ вербализации) — два относительно автономных объекта, которые способны превращаться друг в друга. При этом текст не утрачивает своей целостности.

Авторский текст есть своего рода сигнал, допускающий множество потенциальных прочтений, и при расшифровке этого сигнала специально востребованной может стать информация о самом создателе текста. Текст как результат функционирования языковой системы является одновременно источником для реконструкции авторской личности, например, в таких ее ипостасях: созерцатель, теоретический человек, эстетический человек, интроверт, аналитик, демонстрирующий оригинальную манеру аргументации, разрушитель ментальных и языковых стереотипов и т. п. Информация о психологическом портрете вычитывается из авторского текста, взятого как целостное пространство. Текст в этом смысле — психологическая реальность, материал, который поступает к нам двумя потоками: (1) в виде информации о манере письма («технике»); (2) как вербализованная авторефлексия (автор, склонный к самоконтролю, обсуждает собственный идиостиль и психологическую подоплеку своих языковых предпочтений). *Субъект* и *Текст* выстраиваются (самоорганизуются) в своеобразную формулу причинно-следственных отношений: *Субъект* в этой формуле занимает позицию Причины (условия, порождающего и предопределяющего фактора, генератора смысла), т. е. позицию некоего каузирующего начала. *Текст* в этой формуле оказывается в позиции цели, следствия, результата и т. п. и вместе с тем — кода, который нужно расшифровать.

Цветаева (автор эссе о современниках, субъект авторефлексии в автобиографической прозе, письмах, записных книжках) предстает как неисчерпаемый информант, обладающий высокоразвитым чувством самоидентичности. Ее творчество — результат ментальной деятельности, которую современные психологи называют пугающим в самого себя. Именно в силу своей способности к самоидентификации Цветаева оказывается «объектом»,

крайне сложным для критики. Здесь критик обречен на роль эксперта, который должен пройти как минимум три этапа. Во-первых, прочитав текст *бифокальным* методом, отделив персоналистическую самооценку Цветаевой (*автопортрет*). Во-вторых, изучить специфику ее *вербального поведения*, сформулировать результаты ее собственно *лингвистического эксперимента*. И только, в-третьих, интегрируя свои наблюдения, подтвердить *изоморфизм* речевого почерка и психологического портрета авторской личности. *Бифокальное* чтение прозы Цветаевой — это сознательные многократные «пробеги» от портрета психологического к портрету речевому — и обратно. Этим методом удается уловить доминанты идионормы, т. е. выделить те способы посредничества между миром и текстом, которые для создателя текста являются приоритетными. В нашем случае и лингвистический эксперимент писателя изучается не только как самоцель, но и как аргумент, подтверждающий последовательность Цветаевой-парадоксалиста.

«Всю Цветаеву можно растаскать на цитаты, почти как грибоедовское “Горе от ума”», — говорит С. Волков в одном из интервью с И. Бродским, отмечая афористичность ее стиля. Это свойство Цветаевой С. Волкова «настораживает». На самом деле такая бросающаяся в глаза афористичность действительно «настораживает», как у л и к а, поскольку открывает нам важную черту авторской когнитивной стратегии: антидогматический ум парадоксалиста, заинтригованного метаморфозами истины и лжи.

Парадоксальной логике нельзя научиться: способность улавливать одновременно лицевую и оборотную стороны истины, очевидно, предопределена природой индивидуального ума. Речь идет о подсознательном внутреннем императиве, который охватывает весь спектр проявлений личности. Индивид подобного ментального склада полагает, что терпимость к шаблону — непростительна, потому что это измена самому себе. Изменяясь во времени, такой человек остается верен главному принципу своей вербальной деятельности: он утверждает и охраняет свою идионорму. «У нас с Сергеем Михайловичем Волконским, — писала Цветаева, — одна страсть: перевертывать слова и правды, — мир — навыворот, это и есть революционный темперамент». Свои формулы Цветаева строит по правилам «игры» альтернативы и тождества, ее риторические фигуры всегда под

контролем логики здравого смысла, т. е. дистанцированы от абсурда. Концептуальная целостность, на которую претендует автор монографии, обеспечивается в значительной степени особым вниманием к феномену «парадокс» (см. главу V). Эта проблема оказалась магистральной, объединив все главы монографии.

Расшифровка почерка генератора парадоксов осложняется неразработанностью риторических параметров парадокса, неопределенностью его места среди других «металогизмов» и тропов. Демонстрируя доминанты своей стилистики, Цветаева тем самым помогает осмыслить парадоксальную логику как особый режим мышления, заслуживающий пристального внимания когнитологов.

Для современного филолога субъект речи (говорящее лицо, «наблюдатель», «субъект сознания») интересен не только как абстрактная координата речевого акта или свидетельство антропоцентризма языка, но и в других своих ипостасях, — как субъект смыслопроизводящий и стилесозидающий, способный (невольно или целенаправленно) оставить в своем тексте следы индивидуальной когнитивной стратегии. Цветаева — своего рода «информант», интересный одновременно психологу и филологу: она исчерпывающе отвечает на вопросы «анкеты», касающиеся собственной психической конституции, индивидуальных особенностей ума¹, а также принципов посредничества между миром и текстом. Воспоминания о «первопереживаниях» своего «дограмотного детства» делают ее прозу ценным источником для осмыс-

¹ Любой рассказ о своем поведении в любой конкретной (и простейшей) жизненной ситуации (например, о том, как она разыскивает дом по известному адресу) у Цветаевой превращается в отчет интуитивного психоаналитика, в расшифровку данных собственной интроспекции. Ср., напр.: «А теперь — поиски квартиры, плачевные, потому что ищем мы: Мур и я, — я, совершенно, до ужаса, до неправдоподобия лишенная “Orientierungssinn” [способности ориентироваться (нем.)], с полной атрофией: с каким-то злостно рожденным даром идти всегда — не туда, и даже не в обратную сторону (*тогда было бы просто!*), но еще куда-то в третьем направлении, *неучтеном*, как мое сердце...» [Цветаева 2003: 35—36]. Здесь Цветаева, по существу, пытается истолковать свою подсознательную тягу к парадоксу. *Отвергнув оба противоположных направления, обрести третий путь, т. е. найти новое измерение истины*, — это и есть принцип функционирования ее индивидуального смыслопроизводящего механизма.

ления не только теории личности К. Юнга, но и его версии *архетипа* (см. гл. III, IV).

Цветаевская проза — текст с «подстрочником» психологического содержания. Ценность такого рода источников обусловлена тем, что мы имеем здесь дело с достоверностью внутреннего опыта, который выражен собственными словами индивида, т. е. лишен огрубленности нейтрального научного языка психолога-профессионала. Дневники и письма создателя антиаксиом позволяют «всмотреться» в тактику и стратегию индивидуального остроумия. Вместе с тем сочинение каждого такого автора — незаменимый источник, помогающий воссоздать — по принципу обратной связи — обобщенный образ адресата как объекта речевого воздействия; (см. материалы гл. VI, VII). Замысел монографии как бы продиктован самой Мариной Цветаевой. Концентрация энергии самосознания (в норме характерная для дневников, записных книжек, писем) у Цветаевой свойственна ее тексту в целом; причем она толкует свое «Я» холистически, как пронизательный психолог: отстраненно и вместе с тем пристально, придирчиво, с «тонкостью симптома», не боясь предстать в невыгодном свете (см. главы VII, VIII).

Свой опыт реконструкции речевого портрета Цветаевой я рассматриваю как одно из возможных прочтений ее текста. В одном из интервью В. Набоков, отвечая на вопрос «Можете ли вы нам еще что-нибудь рассказать о творческом процессе, порождающем книгу», зачитывает некоторые свои заметки, записанные на карточках. Среди них такая запись: «Студент объясняет, что, читая роман, он любит пропускать некоторые абзацы, “чтобы составить собственное представление о книге и не попадать под влияние автора”». Право читателя на собственную версию Цветаева утверждает в афоризме: «Книгу должен писать читатель. Лучший читатель читает закрыв глаза». Мудрый автор не борется с читателем, а раскрепощает его воображение и мысль, потому что знает, что читатель (включая в это понятие биографа, текстолога, филолога, лингвиста) всегда воспользуется правом на собственную версию. Аргументом в защиту такой исследовательской позиции по отношению к творчеству писателя может служить мысль Ю. И. Айхенвальда о безграничности зоны соотносительности писателя и критика. «Литературное произведе-

дение, — писал Айхенвальд в своей книге “Силуэты русских писателей”, — всегда диалог: писателя и читателя. Последний сотрудничает первому».

При персоналистическом подходе к носителю языка исследователь естественным образом сталкивается с психологической реальностью, которую одни, изучая язык писателя, воспринимают как помеху, другие — как ключ к постижению речевого почерка автора; во втором случае можно убедиться в том, что логика словесного поведения — органическая составляющая психологического портрета. Это дает возможность изучать и оценивать вербальное поведение продуцента текста под новым углом зрения.

Некоторые разделы предлагаемой читателю книги основаны на материалах, ранее опубликованных, например, в журнале «Русский язык в научном освещении» (гл. ред. А. М. Молдован); в сборнике «Гуманитарная наука сегодня» (под ред. Ю. С. Степанова, 2006); в сборнике «Язык. Личность. Текст» (под ред. В. Н. Топорова, 2005); в сборнике «Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук» (под ред. Ю. С. Степанова, В. В. Фещенко, 2008); в серии статей и очерков «Логический анализ языка» (под ред. Н. Д. Арутюновой). Многие части книги в первоначальном виде были докладами, при обсуждении которых коллеги убедили меня в том, что книга нужна как стимул не только для дальнейших разысканий в области цветаеведения, но и для разработки новых подходов к авторскому тексту вообще.

Пользуюсь случаем выразить благодарность организаторам и участникам научных конференций и семинаров, регулярно проводимых в Доме-музее М. Цветаевой, где я имела возможность делиться своим опытом прочтения и интерпретации цветаевской прозы; диалоги с заинтересованными, компетентными и требовательными собеседниками помогли мне превратить свои наблюдения в концептуально целостное монографическое произведение. Огромное спасибо администрации музея (и персонально Э. С. Красовской) за предоставление иллюстративного материала. Я крайне признательна Ирине Беляковой за ее участие в подготовке *Приложения*.

ГЛАВА I

ИМПЕРАТИВЫ СТИЛЯ И ДИКТАТ ЯЗЫКА

1. Антинорма и идионорма: интуитивная лингвистика стилесозидающего субъекта

В философии нормы, по-видимому, есть три позиции, или три модуса нормы, отражаемые в нашем ощущении этого феномена: 1) норма — жесткое условие, непреложность, конвенция, не допускающая уклонений (позиция догматическая); 2) норма — условность, которой можно пренебречь (позиция компромиссная); 3) норма со знаком «минус» (противостояние стереотипу). Острое ощущение прежде всего отрицательных коннотаций, заключенных в смысловом потенциале понятия «норма», поддерживается цепочкой ассоциаций: *стандарт — шаблон — монотонность*: то, что стерлось, потому что невыразительно, бесцветно, в лучшем случае — удовлетворительно, т. е. «никак». Эта цепочка показывает путь к обесцениванию положительного смысла, заложенного в самом феномене нормы.

В поисках философии «нормы» и внутренней логики этого понятия хочется напомнить истину, которая может показаться тривиальной: «Широко распространено убеждение, что наука не должна содержать ни оценок, ни норм, ибо она вправе говорить о том, что есть, но не о том, что должно быть, и не о том, чему лучше быть» [Ивин 1973: 41—42]. Антипатия к норме «питается» внутренним императивом творческого субъекта, интуиция которого активно сопротивляется языковому стандарту. Для стилесозидающего субъекта согласиться на такой стандарт значило бы непростительно капитулировать перед тривиальностью, шаблоном. Следует подчеркнуть, что протестует именно интуиция.

Поэтому авторский языковой эксперимент не всегда является целенаправленной деятельностью.

Словарь поэтического языка Цветаевой насчитывает около 1000 окказионализмов [Ревзина 1996: 303]. Эта цифра не покажется столь внушительной, если учесть экстремальные условия стихотворного текста, те специфические правила игры, которые, с одной стороны, осложняют задачу текстообразования, с другой стороны, наоборот, дают возможность преодолеть деспотизм языка, особенно поэту с «предельным свободомыслием Цветаевой, независимостью ее позиции от каких-либо догматов философии, религии, этики и эстетики», с ее «мыслительным максимализмом, попыткой познать абсолютное, лежащее за гранью эмпирического опыта» [Зубова 1989: 205].

Продуктивность Цветаевой в области окказиональных образований — отражение творческой доминанты ее личности. В ее установке на создание экстремальных языковых ситуаций можно усматривать отпечаток подсознательного поиска преграды, тяги к преодолению как самоцели. В том, что эта тяга — типичное состояние ее психики, Цветаева признается сама: «Прежде всего и во всем: мой инстинкт всегда ищет и создает преграды, т. е. я инстинктивно их создаю — в жизни, как и в стихах» [Цветаева 1988: 521]. «Почему я всегда, выходя из двери, иду в обратную сторону, в которую сюда — не шла. М. б. от чуждости — всей моей сущности — самого возвращения (по следам), от исконного дальше (мимо!)» [Цветаева 1997]. В этих высказываниях (как и во многих других рассуждениях и замечаниях автопсихологического характера, обнаруживаемых в ее прозе) Цветаева намекает на изоморфизм своего поведения в жизни и в речевой практике.

Феномен окказионализма, поставленный в контекст проблемы «Язык и личность», получает серьезную информативную поддержку со стороны прозы поэта, особенно если учесть, что мы имеем дело с автором, который не просто склонен к самоистолкованию, но глубоко постигает «генетику» своей психологической конституции, способен построить целостную и убедительную Эго-концепцию. Проза (в силу ее независимости от таких правил игры, как рифма, ритм, размер) дает ее автору бóльшую свободу выбора между нормативной и неузальной языковой формой. Поэтому именно в условиях прозы окказионализмы показательны для сужде-

ния о том, насколько устойчивой является субъективная антипатия к стереотипу. Кроме того, прозаический текст открывает исследователю более прямой путь для наблюдений над индивидуальной реакцией на грамматический стереотип. Склонность к языковым метаморфозам в сфере грамматики, столь же естественная для создателя окказиональных слов, дает возможность уточнить границы и само содержание понятия «окказионализм».

Неузуальные явления в текстах Цветаевой интересны тем, что объектами ее языковой рефлексии оказываются и отдельные лексические единицы, и категориальная семантика в целом. Окказиональная грамматика Цветаевой — это своего рода виртуальный языковой мир, в котором допускается обмен между грамматическими возможностями частей речи, строго регламентируемой нормой. В этот обмен автор вовлекает категории языка не только близкие, но также полярные, находящиеся в оппозиции. В грамматическом мире, создаваемом Цветаевой, сняты ограничения на градуируемость: способность к градации степени качества, к расчленению на отдельные стадии самого процесса выявления признака присваивается относительным прилагательным и даже местоимениям (ср. приводимые ниже модификации слов *внешний, последний, нулевой, мой*). «Вы еще питаетесь внешним миром (дань полу: мужчины вообще *внешнее* женщин») [Цветаева 1988: 518]; «А какая разница: пепел и зола! Что чище? Что (*сравнительная* степень) *последнее?*» [Цветаева 1989: 278]; «Раз не улица, а ущелье, то не дома, а горы, гора справа, гора слева, подика найди дом! <...> И — чудо! Тот самый. *Настолько тот самый*, как если бы сам сказал: вот я. Особый среди особых, несравненный среди несравненных, *все превосходные степени исключительности*» [Цветаева 1988: 37]; «Только не надо путать стихи — с данным, его “лицо” (не лицо) удостаивать своей ревности (сострадания). <...> И чем *нулевое* соперник — тем полнее ревность: Пушкин — Дантес. (*Нулевое* — и как круглый нуль, и как последний нуль порядкового числительного: миллионный, ста-миллионный и т. д.) В лице Дантеса Пушкин ревновал к нелицу. И — нелицом (полом — тем самым шармом!) был убит» [Цветаева 1997: 386]; «Все предшествовавшее лето 1902 года я переписывала его [стихотворение Пушкина “К морю”] из хрестоматии в самосшивную книжку. Зачем в книжку, раз есть в хресто-